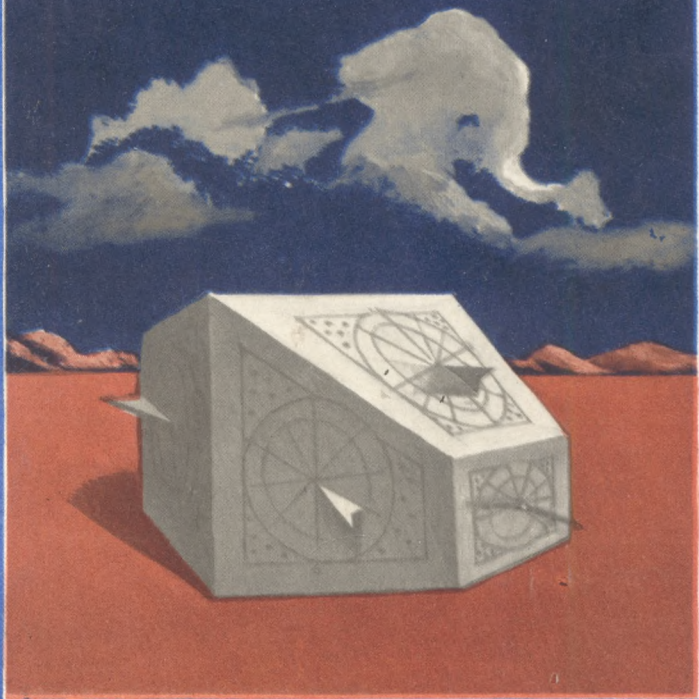
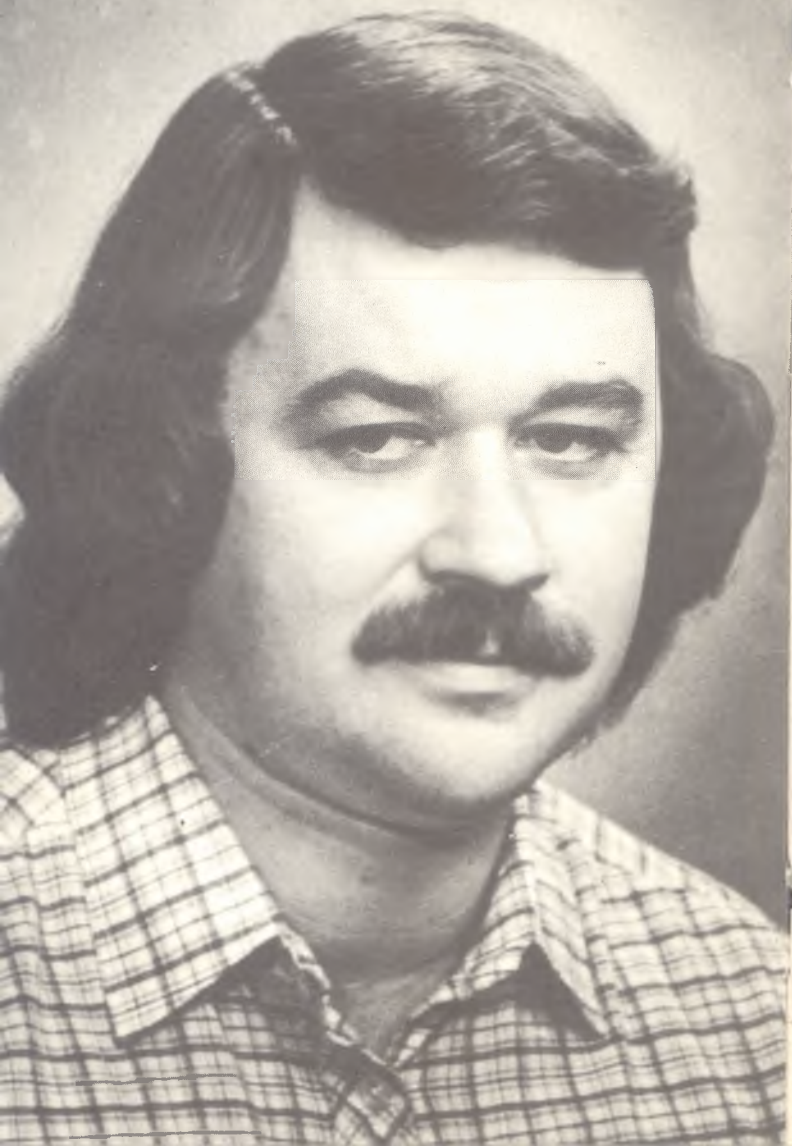

Павел Баулин
СЛОВО
И
ДЫХАНИЕ

Павел Баулин

СЛОВО И ДЫХАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Киев
Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь»
1988

ББК 84Р7—5

Б 29

Активная жизненная позиция человека, как утверждает в своем новом сборнике стихов молодой поэт из Запорожья, должна иметь надежную нравственную основу: порядочность, честность, доброту.

Она помогает отличить истину от фальши, искренность от лицемерия и лжи.

Художественное оформление
М. С. Вайсберга

Б $\frac{4702010200-084}{M228(04)-88}$ КУ—№8—362—1988

ISBN 5-7720-0076-4

© Издательство «Молодь», 1988

І. Бесшумно время

МОЙ ДОМ

Дом златотканый.
Крышей ему — тишина.
Окнами — мой несовершенный слух.
Ночная стена
и дневная стена.
Пустынной бумаги дразнящий дух.

Комната восклицаний,
сто комнат согбенных вопросов.
Сто миллионов кладовок для каждой клеточки
серого вещества.
В подполье законсервированы
голубые лучи и алые росы.
Каждую эру дом посещают слова.

Дышат работой спиралеобразные коридоры,
как сверла внедряясь в заоблачные россыпи
лени и сна.

Пыхтят по углам вечные двигатели,
т. е. — вечные споры,
в доме, где только ночная
да только дневная стена.

Слава дома — фитилек керосиновой лампы,
впитавший (с нефтепродуктом)
недр земных крутые уроки.
Лампа (через трансформатор!)
включается в сеть — 220 вольт.

Фитилек выпрямляется,
как дракончик, встающий на задние лапы,
и диктует никем не открытые строки
спелым шепотом, переходящим в клубящийся
воплъ.

Есть в доме антенна,
на ее жердочки слетаются добрые слезы.
Километровая паутина
на ветру развеивается, как победная седина.
Под утро
в стихах зарубцовываются метастазы прозы...

О дом — исцелитель!
Где греет ночная
да грезит дневная стена.

ДВА СЕРДЦА

В траве вечерней остывают зори,
как угольки в серебряной золе,
как на ладонях — рваные мозоли,
когда — уставший — припаду к Земле.

Но в этот час блуждающего света,
забыв о гонках,

делках,

болтовне,

в поту горячих рос моя планета
прижмется обессиленно ко мне.

Не встану,
даже если и отважусь,
когда меня придавят с двух сторон
Планеты нестерпимейшая тяжесть
и тягостно обрушившийся сон.

С Землей сольюсь!

Ни горечи, ни ссадин.

И в тишине никто не различит,
чье это сердце, загнанное за день,
так страшно и мучительно стучит.

Хочу, чтоб жили, никогда не ссорясь,
Добром и миром всякий спор верша,
Как две сестры —
Моя душа и совесть,
Как две надежды —
Совесть и душа.

Когда по жизни, взмыливая скорость,
Мечусь я ради брэнного гроша,
Пронзи меня,
Стремительная совесть,
Бессонной мукой
Изведи, душа.

Когда же летом дней обеспокоюсь,
Рвусь к истине, страдая и спеша,
Дай мужества мне,
Доблестная совесть.
Дай веры,
Вдохновенная душа.

Пусть навсегда
Сквозь будни и парады,
Сквозь сумрак похвальбы и клеветы
Блестает совесть хлестким светом правды,
Душа струится светом доброты.

БЕГ

Тверже шаг,
тверже шаг!
В спину лидера дышишь.
Каждой долей секунды
значителен прожитый век!
Тверже шаг,
тверже шаг!
Вот уже приближается финиш.
А за финишем что?
Только времени бег.

...Вновь на линии старта
все станет спокойней и строже.
Как в холодную воду,
в свой первый войду поворот.
Бег раскрутит жгуты
нескончаемых, жестких дорожек,
превратив их в спираль
наших тяжких
и шатких высот.

Мы считаем круги,
так мучительно долго считаем,
с наслаждением странным
каждый смакуя вираж.
Мы пока что не лидеры
и поэтому не вызываем
на трибунах и в ложах
праздный ажиотаж.

Получив свою лепту
аплодисментов и сплетен,

лидер сходит с дистанции,
шлейф состраданий за ним,
лидер сходит с дистанции,
лик его светел,
как познавшего нечто,
недоступное остальным.

Нам его не понять.
Он теперь — не из нашей династии.
Так, как сорванный плод —
не родня
тем, что светят в саду.
Но клянусь, ради всех вас,
сошедших с дистанции,
я уже никогда не сойду!

Тверже шаг,
тверже шаг!
В спину лидера дышишь.
Каждой долей секунды
значителен прожитый век!
Тверже шаг,
тверже шаг!
Мы уже пробежали и финиш.
Что нам финиш, когда
продолжается бег?

Что нам финиш, когда
продолжается бег,

продолжается бег,

продолжается бег...

КАМЕНЬ

Я — камень!

Не драгоценный и даже не полу...

Слишком громоздкий и серый

для золотых оправ.

Я — камень!

Проросший в диком российском поле,

среди тысячелетних, нетронутых трав.

Целясь мне в сердце,

чужие ветры, как псы, визжали,

но пулями сплюснутыми осыпались вокруг меня.

Я в ряд становился

со сварными стальными «ежами»,

чтоб не прошла здесь ни черная сила,

ни круповская броня!

Молнии вешние

на плечах моих вили гнезда.

Бил мне в грудь кипяток

страстных мартовских рек...

Камень рушиться может, но он никогда не гнется.

Даст стихиям отпор.

Даст укрытие путнику и ночлег.

В этом — русский обычай,

его я вбирал годами

через соки земные,

через травы тысячелетние

и спешащие вдаль пути.

И теперь говорю:

Грядущее! Положи меня в свой фундамент.

Не найти опоры надежнее,

да и преданней — не найти.

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

(Баллада)

Меня разбудил мой собственный стон.
Очнулся — лежу на дрожащем снегу.
Откуда тот снег?
Продолжается сон.
И надо проснуться, а я не могу.

Меня разбудил мой собственный крик.
Очнулся —
костер на морском берегу.
Вдруг — молнией взрыва —
акулий плавник.
И скрежет: «Проснись же!»
А я не могу.

Меня разбудил мой собственный зов.
Очнулся —
не было эху конца!
И сон отлетел, как с дверей засов,—
мой голос из сна был зовом отца.

Мой голос из сна витал: «Сынок!»
Мой голос был обращен ко мне:
«Сынок! Головою лежу на восток
в суровой земле, в холодной стране.

Здесь будит меня мой собственный стон.
Очнусь —
лежу на смертельном снегу.
Я снова живой,
значит это — сон.
И надо проснуться, а я не могу.

Мне море вброд одолеть пора.
Очнусь —
а взрывы стригут пургу.
И в горле кровавым комом: «Ура!..»
И я по кромешной воде бегу».

— Отец! — закричал я,— ужасно мне.
Мой голос... а говоришь им ты.—
«Сынок, мой портрет висит на стене.
Вглядишься, ты видишь свои черты?»

Мы вышли все из единой тьмы
не с тем, чтоб во тьме раствориться вновь.
Я — это ты, неразрывны мы.
И там, на снегу, наша общая кровь.

В наш общий костер подбрось дровец.
И пламя взметни порывом любви...»
И я закричал:
— Останься, отец! —
Мой голос ответил: «Прощай. Живи».

...На вражеский дот до утра бегу.
Туманит мне взор пелена свинца.
И надо проснуться, но я не могу
бросить в бою отца.

ЧУЖАЯ ПЛАНЕТА

Я ступлю
на чужую планету
и заржавленной двинусь тропой.
И увижу холодную Лету.
И Харон мне помашет рукой.

Я пройду вдоль зловещей равнины.
Я взберусь на крутое плато...
Только пепел вокруг
да руины,
из которых не выйдет никто.

Хоть травинку б найти,
хоть росточек!
Звук услышать — и сердце замрет.
Тишь — как бездна,
в которой стрекочет
счетчик Гейгера,
как пулемет.

Эти остовы труб на пригорке,
эта мертвая водная стынь
мне напомнят неожиданно и горько
наш Освенцим
и нашу Хатынь.

Кровью звезд
бьют вселенские раны.
Нет начала
и нет им конца.
Время полураспада урана.
Время полугосподства свинца.

Скрыт в течении траурной Леты
прошлой жизни закон непростой.
Я покину чужую планету.
И планете останется той
до скончания дней нелюдимой
остывать под багровой золой...

Кем она называлась любимой?
И кому приходилась Землей?

ЭВОЛЮЦИЯ СТИХИЙ

земля
не яблоко раздора
не яблочко мишени
в глазах урановых космического сквозняка
сдирающего голубую атмосферу
точно вуаль
с померкшего лица лучистой незнакомки

земля
не мать первородного греха
не дочь его
не плод
висящий средь оголенных проводов ветвей
растрескавшийся
с бурой перезревшей кожурой
чьи безобразные изломы трещин
точно изломы демаркационных линий
и границ
на карте политической

земля
не шарик целлулоидный
вращающийся в потоках восходящих споров
мертворожденных истин
не мотылек золотокрылый
совершающий посадку жесткую
на ледяное солнце
и не обитель вечная

душа
любовь
материя
земля

...Долго я спал. Или бредил.
Вынырнул в явь.
Звон упокойный из ушей вычищаю, как тину.
И хоть с волос не стряхнуть этот снежный пепел,
рву паутину. Рву паутину!

Надо взлетать. Как обрыв — промедленье.
Вот и полет. И мир не померк.
Впрочем, полет это или паденье?
Вверх или вниз?

Кажется, вверх.

МАСТЕР

Удача! Слава!
В чьей вы нынче власти?
Из чьих волшебных сотканы огней?
...И молвит, взяв
свое творенье, мастер:
— А мой соперник все-таки сильней.

Он тем сильней, что в нем прочнее связи
с простой землей,
с дорогою своей.
Он тем сильней, что свет его фантазий,
как воздух леса,
как простор полей.

Я — весь предчувствие,
он — клокотанье чувства.
Он душу ищет,
я ищу слова.
Я следую традициям искусства.
Он внемлет жизни, сути естества.

Моя любовь — порыв,
его — услада.
Он смотрит вглубь,
я — ввысь, поверх голов.
Я — сада аромат,
он — корни сада.
Он резок, даже крут,
я не люблю углов.

Но оба мы — одно,
наш общий бог — работа!
Одoleвая вечности черту,
на гребне он бесстрашного полета,
я набираю
боль и высоту.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СВЕТ СВЕЧИ

Щоб усі слов'яне стали
Добрими братами,
І синами сонця правди,
І еретиками...

Задзвонили в усі дзвони
І повели Гуса
На Голгофу у кайданах,
І не стрепенувся
Перед огнем...

Т. Г. Шевченко. ЄРЕТИК

Вот Икар — голубой мотылек,
обгорев, упадет на камень.
Вот безбожник — свечи фитилек.
А вокруг — инквизиторский пламень.

Вольнодумцы сойдут со свечи —
времена бы без них обнищали.
Несогласие их прозвучит
прочим смертным благим обещаньем.

Как наивен, как дерзок восход.
И свеча будто бы догорает.
Кто-то Новый уходит в народ
с обещаньями вечного рая.

Кто-то Новый...
хоть путь и не нов.
И награда — иным в назиданье:
снисходительность поздних веков
и теперешних — непониманье.

Все вобрал этот вопль: — «На костер!» —
жажду зрелища, ужас, заклятье.
Представленье!

Орет режиссер
на массовку с вершины распятья.

На костер. На костер! На костер!!
Но отступник
сквозь красные платья
вдруг горящие длани простер,
и просыпался пепел проклятья.

На костер. На костер! На костер!!
Но в святое свое воскресенье
он холодные длани простер.
И просыпался иней прощенья.

...В наших жилах струятся года.
Города, города и руины.
И руины, и вновь города.
И на землю —
 то пепел, то иней.

Вольнодумец, сходя со свечи,
свое время спасает, как прежде.
И в его несогласьи звучит
и любовь, и печаль, и надежда.

Злых веков уползает ледник.
Тают призраки близкого рая.
И на черном кресте еретик
высшей милостью все не сгорает.

НОЧНАЯ ТРОПА

Ю. К.

Только ветер, да ветер, да сучья.
Да в глаза ледяная крупа.
Но явился на выручку случай,—
задышала под настом тропа.

Только ночь, только ночь, только выюга.
Спотыкаясь о ветер и мрак,
по следам неизвестного друга
я старался подстраивать шаг.

Замогильно деревья стонали,
и терялся спасительный след.
Я подумал,
дойти мне едва ли...
И увидел за пустошью свет!

Слава богу, спасение близко.
Но под веткой на сером снегу
мертвым светом дрожала записка:
«Я устал. Я идти не могу».

И на этом тропа обрывалась.
И упал — обессиленный — я.
И на этом тропа начиналась.
И судьба начиналась моя.

ФАЛЬШЬ

Все мимо —
и любовь, и грозы.
Есть кров,
да холоден очаг.
Все меньше чувств,
все больше позы
в твоих делах,
в твоих речах.

Заемных шуточек бряцанье.
Искусных слезок мишура.
И патетичность восклицанья:
«Ах, наша жизнь — игра, игра...»

И отступленье — хоть не сразу —
в свой листопад (по зеленым!),
к отрепетированным фразам,
к отрежиссированным дням.

Но в жизни,
как на сцене мгливой,
досаду вызовет — не боль —
претенциозного артиста
неподдающаяся роль!

Не скажешь ты, что карты биты.
Не выдашь горечи и зла.
Но черным — с умыслом — покрыты
в твоей квартире зеркала.

Когда ж отчаяньем влекомый
защитный креп
срываешь ты,—
кривляка злой и незнакомый
глядит из мутной пустоты.

НОВОГОДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Полумрак. Тишина.
Пахнет хвоей в квартире.
В целом мире мы с мамой одни.
А на елочке нашей волшебно светили
золотые шары,
золотые огни.

Мама так молода,
мама так мной любима!
Приносил я ей зеркала —
ну-ка взгляни.
А по улице нашей мчались бешено мимо
золотые лета,
золотые огни.

Пурпур стылой зари
красил блеклые дали.
Полыхали морозом январские дни.
А на елочке нашей не замерзали
золотые мои,
золотые огни.

...Свечи все ж догорали,
а иглы желтели.
И лица дорогого тускнели черты.
На ладонях зимы —
в круговерти метели —
золотые огни,
голубые мечты.

Дворник мерзлые елки кропил
из канистры.

Мама взгляд
и меня от костра отвела.
Там из черных ветвей
с треском сыпались искры —
золотые огни,
голубая зола.

В лабиринтах ушедшего мига
я блуждал среди тьмы и преград.
И споткнулся.
И вымолвил: «Книга!»
И открыл я ее наугад.

Лишь раскрылись две белых ладони,
свет неведомый робко возник.
Будто в старом, покинутом доме
пробудился столетний ночник.

Трепетали тугие страницы,
но казалось — трепещут крыла,
освещая забытые лица,
освящая пустые дела.

Плавно,
будто раздумчиво, книга
среди прошлых стихий поплыла —
из потемок минувшего мига.
И меня за собой повела.

И случайные некто сменялись,
и дивились моей немоте.
И кричали они,
и смеялись,
исчезая навек в пустоте.

...Чьи вы,
рук долгожданные сети?
Чьи вы,
краденых губ маяки?

И за мною бегущие дети?
И глядящие вслед старики?

Сдобный увалень,
клоун-страдалец —
кто вы все? Из какой суеты?
Грохнул посохом сумрачный старец,
возопивши: «Да это же ты!»

И вздымалась его власяница,
и кружилась моя голова.
Трепетали живые страницы,
с них слетали, как слезы, слова...

Вновь за книгой ступал я с опаской.
А в течень^е рассветной реки
проплывали убогие маски,
накладные носы, парики...

Полдень!
Пышного солнца коврига.
Неба огненного белизна.
Тут захлопнулась
вещая книга.
Слишком ярко!
Ослепла она.

Мне знакомые дружно кивали.
Был так ясен теперешний миг,
что спрашивать будут едва ли
о печальных скитаньях моих.

В лабиринтах ушедшего мига.

ХОР ВЕТЕРАНОВ

Они восходят на пустую сцену.
Пустынен зал, шипы огней горьки.
Опавших волн поют седую лену —
поют седую песню старики.

Не угождая музыке и слову,
не доверяя голосу давно,
как будто вторят
медленному зову,
который слышать
только им дано.

СУДЬБА

С жизнью — бесконечные ничьи:
сделки, компромиссы, договоры...
Реки превращаются в ручьи,
в холмики — заснеженные горы.

Всех надежд не продано еще.
Куплены не все услады быта...
Нет уже ни горок, ни ручьев,
лишь пустыня,
страшная, как бритва.

Спящий под надежной плитой,
горько ль слышать из своей чужбины? —
снова реки полнятся водой,
снова к небу тянутся вершины!

Досадно за прожитый день,
за пустошь да пни вместо сада.
Обида — как на́ душу тень.
Но ссадиной ноет досада.

Ты внешне спокоен?
О нет.
Возник — испытанием воли —
не резкий —
мучительный свет
не острой —
хронической боли.

Досадно за прожитый год.
И вновь,
на кого-то пеняя,
досадуешь —
время идет,
все дальше тебя обгоняя.

Поклажа твоя нелегка.
Дорогу осилить непросто.
Как стайеру сил для рывка,
тебе не хватает упорства.

...Мягка паутинная лень.
И сердце стучит не надсадно.
Досадно за прожитый день?

— С чего б это было досадно?

СТРАНИЦА, ОТКРЫТАЯ НАМ

Так многотрудна и стара страница,
что не перевернуть.
Рождаются и умирают птицы
в течение пяти минут.

Судьба!
Откуда эта серость —
тупая твердь:
рождение, познание, зрелость,
любовь и смерть.

На пять вершин садятся птицы
при перелете. Жесткий путь!
Вселенной звездную страницу
не сдвинуть, не перевернуть.

Не сможет ни мольба, ни смелость
нарушить эту круговерть:
рождение, познание, зрелость,
любовь и смерть.

...Но лихорадит душу втайне
(как скрип полных половиц)
надежда на существование
иных вершин,
иных страниц.

НЕМЫЕ ВОЛНЫ

1

Долгое лезвие первой волны
Напрочь разбито о мрак тишины.

Следом вторая восходит волна,
Но разъедает ее тишина.

Третья волна для того и бежит,
Чтоб расшибиться о ночи гранит.

...Глазом всевидящим водит маяк.
Глаз темнотою кровавой набряк...

Сотой и тысячной нету волны,—
Пали немые во мрак тишины.

Голос мой слаб. Не пробить тишину.
Выстрадать, выкричать надо волну.

И зарождается чудо-волна,
Катится к морю по суше она.

Той сухопутной волне не страшны
Ночи гранитные, мрак тишины.

Рухнет! И берег расколется земной,
Станет морскойю гремящей волной.

Берег сомкнется за нею вослед,
Высечет искру, и грянет рассвет.

Вымолвит утро желанного дня:
«Чья же волна разбудила меня?»

Сотня немых прогорланит: «Моя!» —
Слава отринет в чужие края.

Взвизгнут молчальники — сладок искус:
«Наша волна!» —
«Фигу!» — взбесится трус.

Приоритет на волну у кривляк
Купит торгош за кремешный пустяк.

Странное племя! Завистливый род —
Силы боится, но славы урвет.

Спорят! И новый сгущается мрак.
«О лицемеры!» — воеет маяк.

Звучанье горечи сродни дыханью скрипки
в тиши страдания, когда гнетет вина.
Простите мне все прошлые ошибки.
— Прощаю,— отзывается струна.

Струна предчувствия, звучи светло и нежно,
спасай надеждой душу вновь и вновь.
Ведь боль анестезирует надежда,
хоть исцеляет все-таки любовь.

И чем пронзительнее горечи звучанье,
тем безотчетнее влечение любви.
И мимолетной встречи неслучайность
толчками отзывается в крови.

Всю накипь туч шальных,
всю тяжесть злых туманов
заветный дождь с души и с неба смыл.
Боль разочарований и обманов
хоть не затихла — потеряла смысл.

Не прошлой памятью,
не будущим гореньем
любовь живет во слаwie свое
теперешним — единственно — мгновеньем.
Все прочее вне логики ее.

...О жизнь-судьба!
Неся нам скорбные крушенья,
все ж каждый раз, как благостную новь,
даруешь эту лесенку спасенья:

предчувствие,
надежду
и любовь.

И коль напомнят нам
года о смертном часе,
нас вызволят из времени оков
Бессмертия три вечных ипостаси:
предчувствие,
надежда
и любовь.

...Звучанье горечи
сродни дыханью скрипки
в тиши страдания, когда гнетет вина.
Простите мне все прошлые ошибки...
— Прощаю,— обрывается струна.

Так ловко спровоцировав когда-то
меня на вековую суету.

...Спешу,
не замечая снега талость.
След путанный,
хотя тропа ясна.
...Остановлюсь. Представлю,
 что осталась
всего одна зима,
всего одна весна.

II. Природа—наша дочь

ЗА ТОНКОЮ КОРОЧКОЙ ЛЬДА

Ах эти короткие дни
Такой долгосрочной зимы,
Когда опасаемся мы
Надолго остаться одни.

Природа — робка и смирна,
Над нею мы властвуем всласть,
Но видно, не меньшую власть
Над нами имеет она.

День черен — и сумрачен дом,
Декабрь наступает спеша.
И словно печалью душа,
Окно зарешечено льдом.

Но будто монетку в фонтан
Природа на счастье метнет,—
За пасмурных месяцев гнет
Нам день ослепительный дан.

Пусть наши пути нележки,
Природа нам опыт дала:
Не может быть вечной тоски,
Не может быть вечного зла.

У ночи в жестоком плену
И в стужу потерянных лет
Мы знаем: воскреснет рассвет,
Мы не позабудем весну.

...Природа робка и скромна,
Над нею мы властвуем всласть.
Ее благородство — не власть,
Но им покоряет она.

Мы рубим,
 кромсаем,
 грызем,
Земли совершенствуя вид.
Но кто, натерпевшись обид,
Простит нас, забыв обо всем?

Кто —
Если на сердце темно —
Мне тайный наносит визит
И так милосердно глядит
В мое ледяное окно?

И вскрикну: «О господи, ты!
Вернулась, как прежде, сюда».
Сквозь тонкую корочку льда
Твои проступают черты.

Как ночь, отступает беда.
И слез не сдержать оттого,
Что нас разделяет всего
Лишь тонкая корочка льда.

Природа!.. робка...

Высыплю в кормушку
старый хлеб да кашу.
Сорок воробьев
и пять синиц
посреди зимы
опять докажут,
что на свете нет
непевчих птиц.

Прилетят весной
корифеи песни.
Ласковое солнце,
легкие харчи...
Тишина стальная,
как скорлупка, треснет —
счастьем и смятеньем,
счастьем и смятеньем,
счастьем и смятеньем
внемли и молчи.

Соловиной песней
не дадут упиться.
Будет звать кукушка,
вороны греметь.
Что авторитеты?
Ведь любая птица,
если пожелает, начинает петь.

Ведь своим особым голосом гордится —
будь до хрипа низок он,
будь, как писк, высок —

городская птица
и лесная птица,
потому и слышен каждый голосок.

...Гениев горластость — в генах их породы.
Что же прочим делать?
Молкнуть? Падать ниц?

Провожу невольно параллель с природой,
что на свете нет
непевчих птиц.

Проснусь в тревоге предрассветной
на грани тьмы и полутьмы
с подспудной мыслью
неприметной:
кто я? Кто мы?

Под слабой властью сновиденья,
где все всерьез
и не всерьез,
так органично единенье
слепой реальности и грез.

Доступно все
до ощущения!
И горько из-за мелочей.
Но нет обид,
есть миг прощенья.
Есть робкий шепот —
нет речей.

Струятся мысли осторожно.
Не погружаясь в спешный быт.
Так должно, боже мой, так должно,
но никогда не может быть!

Как замысел и воплощенье,
так побужденья и дела
находят миг на единенье,
когда встречаем пробужденье,
как старт,
как новое рожденье.

И мглу сменяет полумгла.

НОЧЬ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД

Над Красной книгою
ночные проплывали журавли —
шесть крыл
люминесцирующих
разгребали вязкий смог.

То ль три слезы,
сверкнув серебряно, растаяли вдали,
то ль три звезды
на скользком небе удержаться не смогли,
то ль три колечка соскользнули
с тростниковых птичьих ног?

НОЧЬ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД.

* * *

А на лунной дорожке ухабы
Диких волн, изнуренных тоской.
Но ползут исполинские крабы
По змее золотистой, морской.

Я и шага не сделал бы там!
Объясните?
Полжизни отдам.

Где же волны, ухабы, подножки?
Как всегда, отыскался знаток,
Позвонил. И морскую дорожку
Исполинский трамбует каток.

Я и шага не сделал бы там!
Объясните?
Полжизни отдам.

Лих трамбовщик.
Беспечны дельфины.
В бранный берег правее меня
Зло вонзилась черненная финка —
Исполинская чья-то клешня.

И колышется мертвая гладь.
Ни пройти. Ни понять.

СТРЕЛЬБА ПО ЗАЖЖЕННЫМ СВЕЧАМ

О ярмарочный тир! — конгломерат
убогости, амбиций, ностальгии,
где вереницей движутся
соблазны, разочарованья, призраки побед,
где юркая — из фитилька свечи —
выпрыгивает саламандра,
чье обиталище — считали древние —
огонь.

Дрожит над тонкою свечою саламандра.

Багряный хвост ее
для бравого любителя стрельбы,
как ярый плащ тореадора
для хмельного зверя.

Дрожит над фитильком тугое тело саламандры.

Мигает раскаленный глаз стрелка
с расширенным зрачком прицела,
в пространстве томном убегающих галактик
разверзся оглушительный провал забвенья.

Дрожит тугое пламя саламандры.

Над сердцевидною палитрой Леонардо,
над пушкинской строкой.

Пли, снайпер!
Пли, о достойный инквизитор собственных
дерзаний!

Зачем зеленый змий?
Забвение — в пальбе.

Над мертвым телом пламени слез не сдержи,
художник.
Над мертвым телом пламени не возликуй, стрелок.

ЛЕТАЮЩИЙ ТОПОЛЬ

1

Жирный тополь, вспотевшие листья,
поджидает меня за углом.

Над корнями земля шевелится.

Улыбается тополь:

— Идем?

Разомлевшие свежие корни
он выдергивает из земли...

— Да она ж тебя держит и кормит!

Что ж ты делаешь?! —

— Ладно, пошли.

Ночь струится в размыках и вспышках,
необъятная, словно испуг.

Грузный тополь, страдая отдышкой,
на корнях семенит, как паук.

Вот и круча над мглою безвестной.

Обратясь в голубую струю,

тополь взмыл над отпрянувшей бездной.

Я остался стоять на краю.

Он кружил, как нечистая сила,

он парил, как младенца душа.

И кровинки семян относило

в дебри клевера и спорыша.

— Долго ль будешь над бездной обрыва
ты за кругом накручивать круг?..—

Семена низвергались. Так рыба

вытрясает из брюха икру.

Утро брызнуло розовым зельем.
В первых каплях суровой зари
тополь взмыленный врезался в землю,
вспыхнул магнием
и воспарил.

2

Новый тополь, вспотевшие листья...
В листьях призраком прячется гром.
Над корнями земля шевелится...
— Для чего покидаешь свой дом?

— Сделать то, что не выпало другу.—
Там, где он задыхался паря,
колдовским поднимаются кругом
нелетающие тополя.

* * *

Л. А.

Краски лета растрчены.
Только ты не вини
Эти льдисто-прозрачные,
Родниковые дни.

Время немногословия,
Все крикливое — чушь.
И какая-то новая
Обозначенность чувств.

Этим строгим значением
День наполнен любой.
Что весной — увлечение,
То под осень — любовь.

И судьбы повороты
Нам теперь — не беда.
Если нынче со мной ты,
То уже навсегда.

А лучи словно спицы —
Тает солнца клубок...
Воздух парка искрится,
Чист и глубок.

ПОЗДНЯЯ АКВАРЕЛЬ

Полоска заката порезом горит
на панцире ночи.
Спускаются тени к подножью горы
и что-то бормочут.

Воздетый маяк над безмолвием туч —
как памятник звуку.
То шарит, то гаснет прожектора луч,
похожий на руку.

— Что ищет в потемках нагая рука?
— Ночного скитальца!

Нашарит. И гаснет огонь маяка.
И хруст —
хруст в невидимых пальцах.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Озеро цвета бутылочного стекла.

Светла
крона смущенно глядящих сосен
в осень,
в озера бесконечную мафту.

А в высоту
по извивающимся корням — насосам
сосен
льется темно-целительная прохлада.

И звездопадом
рушится снова в озерные струи.

Вот и уснули
сосны, озеро, тихая зорька...

Но, стойко

за глину цепляясь, в лесной немоте
по фронту ползут и по флангам
к воде изумленной, к беспечной воде
корней одичавшие шланги.

ИЗ ОКНА ЭККУРСИОННОГО АВТОБУСА

За кладбищем солнце садится,
усталые стрелы меча.
Лампадка трепещущей птицы
повисла в закатных лучах.

Еще не объятые мраком,
опрятны всегда и чисты,
стоят обелиски — под мрамор,
из трубок — сварные — кресты.

Вдали от болезней и пенсий
лети, наш автобус,
лети
под магнитофонную песню
о том, что вся жизнь впереди.

...Тропинки, дороги, орбиты —
нам кажется все нипочем.
А солнце
за скользкие плиты
цепляется хрупким лучом.

ХРОНИКА БЛИЗКОГО ГОДА

Ночь

Запах луны и снега.
Костер.
Проталина расплзается, как пятно,
будто на свежее полотно
плеснули красную кислоту.

Звуки увязли в смоле тишины.
Мысли блуждают
в космических лабиринтах...

Сила инстинкта:
пес неотрывно смотрит на луну.
В лимонных глазах напряжение.
Видимо, быть извержению
вымерзших лунных вулканов!

Утро

Бледное небо,
тихое солнце,
алюминиевые облака,
ласточка с белой пластмассовой грудкой...
Красиво.
Но я смотрю на другое:
у горизонта
краешек неба отклеился,
завернулся трубочкой
и дергается на ветру,
точно бельмо на глазу!

Искусственная жизнь!
Мозг интегральных схем!..
Но даже самый совершенный робот
страдает из-за
неумения заснуть.
Ведь сколько пробуждений —
столько жизней.

Что перед ними
вечная моя?!

III. Осенний остров

* * *

Среди неопознанных станций
твой поезд внезапно замрет.
И память прошепчет,— останься.
Заботы прикажут — вперед!

Стоянка минуту, не боле.
Но дрогнут сирени кусты,
и сердце сожмется от боли,
и память прошепчет: прости.

Какие сверхмертвые петли
беспечно готовит судьба?
Как филли
в полуденном пекле,
слепая слезится изба.

Не сдвинут старинные кружки
сыны позаброшенных мест.
Над куполом ветхой церквушки
гнилушками светится крест.

И полдень,
и полночь наполнит
душой осязаемый свет.
И хочется что-то припомнить,
да времени,
времени нет!

Минута струится устало.
— Вернись! —
И почувствуешь — ложь.

Ведь этот святой полустанок
захочешь —
и то не найдешь.

Где вокруг векового сада
ограда из ветра и дней.
Церквушка, кресты, и ограда,
и пломба с печатью на ней.

На все это
лягут изломом
двух рельсов тугие рубцы
и скроются за окоемом,
буквально как в воду концы.

Берез полночное сиянье,
и тяжесть ртутная росы,
и наше новое свиданье,
Россия средней полосы.

Взметни же сосны голубые
над скорбью ивовой лозы.
Мы целый век в разлуке были,
Россия средней полосы.

Не хмурь ореховые брови.
Не прячь медлительной красы.
Здесь отчий кров.

Я — кровь от крови
России средней полосы!

В края,
что мне даруют милость,
свое дыханье донеси —
моей любви неистребимость —
Россия средней полосы.

Вослед за близким расставаньем,
Россия средней полосы,
возникни не воспоминаньем —
в душе — березовым сияньем,
на сердце тяжестью росы.

ПРОГУЛКА НА о. ХОРТИЦА И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Одиночества не приемлю,
Просто грусти не вышел срок.
Вот акация чутко дремлет.
Разве с нею я одинок?

Вот взметнулась в притворном страхе
Стайка птиц из-под самых ног.
Заповедные бойкие птахи,
Разве с вами я одинок?

Мой щенок, ожидая ужин,
Заливается, как звонок.
Значит, я хоть кому-то нужен
И поэтому не одинок.

(Посмотри, как вечерние волны
Запоздалый швыряют челнок.
Он — стремительный и проворный —
Разве скажешь, что одинок?)

...Среди запахов, щебета, писка
Шаг неспешен мой.
Путь далек...

Фотографии, старые письма...
Разве с ними я одинок?

УТРО

Топкий свет невозмутимой спальни.
Звуки, разомлевшие в тепле...
Хрупкие серебряные пальмы
на январском вспыхнули стекле.

Заслонившись от густого света,
говоришь,
притворно вздернув бровь:
— Милый, неужели нынче лето
и у нас под пальмами любовь?

Поцелуя иней золотистый
мягко тает в солнечной тиши.
Так привольно,
так бесстрашно чисто
для истосковавшейся души!

...Облетают годы тьмы и света,
но не растворяются во мгле
тот январь, и общей жизни лето,
и любовь, и пальмы на стекле.

ЖЕНЩИНА В ОСЕННЕМ СНЕ

В одеждах из надежды и смятенья,
в туманах ночи, страсти и стыда
сквозишь лучом,
скользишь усталой тенью,
спешишь куда-то,
но придешь сюда,

ко мне. Вздохнешь и скажешь:

«По привычке.

Не обольщайся, нынче — не вчера». —

И сгорбится обугленная спичка.

И смолкнут угли прошлого костра.

...Но медлишь ты.

В глазах мерцают ветры,

как в снежном небе

ранние слова.

С земли ночной на ледяные ветви

вот-вот вспорхнет упавшая листва.

Наш разговор продлится и

приснится

о том, что недра осени пусты.

Что краток век у полуночной птицы,

но долгод век у призрачной звезды.

* * *

Этот ветер, угрюмый и старый,
под кустами жасмина притих.
Этот вечер цыганской гитары,
пряных вздохов
и звуков золотых.

И возникнут, как смысл между строчек,
как пречистая плоть
меж теней,
вечный терем, бессмертные очи,
тройка верная ночи темней.

И красавицы узкую руку
пусть твои обогреют уста.
Сменит робость привычку и скуку
Даже там, где любовь не чиста.

ПОД ВЛАСТЬЮ ВРЕМЕНИ?

Бокалы тонкого стекла стройны,
как свечи.

Мы их прозрачным трепетом зажжем...
Там, за окном,
предновогодний хрупкий вечер,
и звезд бенгальские огни
там, за окном.

Там — праздничный мороз
и весело, конечно.
Но нам
довольно этой комнаты и тьмы.
Жизнь и любовь,
как этот вечер, — бесконечны,
когда с тобою мы,
когда с тобою мы.

Поднимем не спеша
своих бокалов свечи.
Их свет во тьме,
как чувства наши, осмелел.
За уходящий год
в неходящий вечер!
За покаянье душ
и неустанность тел!

Природа и судьба
распорядятся мудро.
И время до тех пор не двинется вперед,
пока не вспомним завтрашнее утро
и спешный поцелуй.

И невозвратный год.

ПРИТЧА О ГЛАЗАХ

Старца этого в жизненном дрейфе
не смущала ни ложь, ни слеза.
Но однажды на высохшем древе
перед ним распустились глаза.

Он вскричал:
— Да за что ж эта кара?! —
Он притих, будто дали под дых...
Ветки к югу — в соцветиях карих,
ветки к северу — сплошь в голубых.

Старец,
чуду препятствовать силясь,
то ругался, то рушился ниц.
По ночам эти очи светились
в ореолах невидимых лиц.

...Наши встречи с ним были нередки.
Раз пришел он
и бряк невпопад:
— Их сто восемь. Не выдержат ветки...
Мы пошли в его сумрачный сад.

День, меж тем, разгорался все ярче.
И от смеха сдержавшись едва,
я сказал:
— Где ж глаза твои, старче?
Посмотри-ка, ведь это — листва!

Будто я его чем-то обидел.
Пальцем ткнул он и крикнул:

— Дурак!

Вот глаза! Я и раньше их видел.

У кого?.. Не припомню никак.

Старость!

Путаю грезы и были.

Что́ начало? Что́ — вечный причал?

Где ж я видел вот те, голубые,

Где я карие эти встречал?

Старец дивным видением бредил,
над листвою трепетавшей бубня:

— Может быть, я когда-то их предал?

Пожалейте! Простите меня!

С дикой жалостью неутолимой
все оглядывал он деревца.

...Ночью снились мне очи любимой,

очи матери,

очи отца.

Жжет печаль

с каждым годом сильнее,

если вижу средь рощ и аллей:

ветки к югу — где листья темнее,

ветки к северу, где — голубей.

И конец

суете и покою,

так захочется в сумраке дня

разрыдаться над вечной листвою:

пожалейте! Простите меня!

Как будто меня не любовь оставляла,
а тело мое оставляла душа.

...Мы сменою мест и событий богаты.
Как нервы гудят!
Как летят поезда!
Зачем эта женщина плачет: «Куда ты?»
Взгляни и останься
уже навсегда.

Когда мне все в жизни
покажется прозой,
когда и со смертью я стану на «ты»,
пусть кто-то меня оглянуться попросит,
и я задержусь у последней черты.

Пусть кто-то меня оглянуться попросит,
и я задержусь у прощальной черты.

ОБ АВТОРЕ

Баулин Павел Борисович родился в 1949 году в городе Горьком.

После окончания Запорожского машиностроительного института имени В. Я. Чубаря работал в производственном объединении «Запорожтрансформатор», более десяти лет был преподавателем ПТУ.

Павел Баулин — член Союза писателей СССР, автор сборников стихотворений «Родниковые дни» и «Камертон доброты». «Слово и дыхание» — третья книга поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

I. БЕСШУМНО ВРЕМЯ

Мой дом	3
Два сердца	5
«Хочу, чтоб жили, никогда не ссорясь...»	6
Бег	7
Камень	9
Встреча с отцом (<i>Баллада</i>)	10
Чужая планета	12
Эволюция стихий	14
Пробуждение	15
Мастер	17
Средневековый свет свечи	19
Ночная тропа	21
Фальшь	22
Новогоднее воспоминание	23
«В лабиринтах ушедшего мига...»	25
Хор ветеранов	27
Судьба	27
«Досадно за прожитый день...»	28
Закат	29
Страница, открытая нам	30
Немые волны	31
«Звучанье горечи сродни дыханью скрипки...».	33
Наши часы	35

II. ПРИРОДА — НАША ДОЧЬ

За тонкою корочкой льда	37
«Высыплю в кормушку...»	39
«Проснусь в тревоге предрассветной...»	41
Ночь падающих звезд	42
«А на лунной дорожке ухабы...»	43

Стрельба по зажженным свечам	44
Летающий тополь	45
«Краски лета растрачены...»	47
Поздняя акварель	48
Лесное озеро	49
Из окна экскурсионного автобуса	50
Хроника близкого года	51

III. ОСЕННИЙ ОСТРОВ

«Среди неопознанных станций...»	54
«Берез полночное сиянье...»	56
Прогулка на о. Хортица и возвращение	57
Утро	58
Женщина в осеннем сне	59
«Этот ветер, угрюмый и старый...»	60
Под властью времени?	61
«Но крыло мое сломано...»	62
Притча о глазах	64
День рождения на острове	66
Мой прожитый год	67
Об авторе	69

Баулин П. Б.

**Б 29 Слово и дыхание: Стихотворения.— К.:
Молодь, 1988.— 72 с.**

ISBN 5-7720-0076-4

Активная жизненная позиция человека, как утверждает в своем новом сборнике стихов молодой поэт из Запорожья, должна иметь надежную нравственную основу: порядочность, честность, доброту.

Она помогает отличить истину от фальши, искренность от лицемерия и лжи.

**Б 4702010200—084 КУ—№8—362—1988 ББК 84Р7—5
М228(04)—88**

Литературно-художественное издание

**БАУЛИН ПАВЕЛ БОРИСОВИЧ
СЛОВО И ДЫХАНИЕ**

Стихотворения

Киев, издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь»

Редактор В. Д. ГЕРАСИМЮК

Художественный редактор О. М. КОСПА

Технический редактор М. Л. МЕЛЬКО

Корректор О. В. КОМАРНИЦКАЯ

ИБ 2759

Сдано в набор 10.12.87. Подписано к печати 22.04.88.
БФ 37645. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типогр. № 1.
Гарнитура литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,63.
Усл. краскоотт. 3,07. Уч.-изд. л. 2,29. Тираж 3 800 экз.
Зак. 7—507. Цена 40 к.

Ордена «Знак Почета» издательство ЦК ЛКСМУ
«Молодь».

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» орде-
на Трудового Красного Знамени издательско-полигра-
фического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвар-
дия».

Адрес издательства и полиграфкомбината: 252119,
Киев-119, ул. Пархоменко, 38—44.

